

В тот день после полудня погода неожиданно прояснилась, и ветер стал тёплым. Ань Шаохуа воспользовался хорошей погодой, чтобы обмыть тела Гу Мо и Цзинцю. Пока он делал это, он бормотал, что при жизни Цзинхэ они не успели найти ему невесту. Когда Юэ'э вернётся из соседнего уезда и всё устроит, Цзинхэ больше не будет одинок.

Говоря о соседнем уезде, Ань Шаохуа вдруг вспомнил одну вещь и сразу же начал искать в одежде Гу Мо. Печать действительно исчезла. Ноги Ань Шаохуа подкосились, перед глазами потемнело, и он снова потерял сознание.

Ань Шаохуа давно знал, что все эти события были полны странностей. Много лет занимаясь расследованиями, он развил в себе острое чутьё к подозрительным деталям. В тот момент, когда всё произошло, он был настолько поглощён горем, что не мог думать ни о чём другом. Но как он мог не заметить несоответствий позже? Он просто заставлял себя не вникать в детали, не думать об этом. Ушедшие ушли, траур ещё не закончен, что толку сейчас об этом думать?

Когда Ань Шаохуа снова очнулся, рядом с ним всё ещё была плачущая Юэ'э. Увидев, что он пришёл в себя, она бросилась к нему в объятия, рыдая так, будто её сердце разрывалось на части. Юэ'э поведала:

— По дороге мы встретили разбойников, и Ту-эр, защищая хозяйку, погибла. К счастью, мы встретили помощника начальника соседнего уезда, и мы с Цзиньчунем смогли спастись.

Какое совпадение, что исчезнувшая расписка на дом тоже была из соседнего уезда. Здесь пропадает указ принца, а там «случайно» встречается чиновник из соседнего уезда. Сначала Ту-эр вызывает подозрения, а потом она героически гибнет, защищая хозяйку. Погибла ли она?

«Пусть будет так, будто она погибла».

Ань Шаохуа предположил, что, вероятно, после нового года этот «помощник начальника» найдёт Цзиньчуню какую-нибудь «работу» в соседнем уезде, и он сможет законно остаться там, возвращаясь домой раз в несколько месяцев. Ха-ха...

Юэ'э, Юэ'э!

Не говоря уже о том, почему Ту-эр изначально оказалась в комнате Гу Мо и как она обнаружила ту печать. Уже только по тому, кому мог быть полезен указ принца, Ань Шаохуа понимал, кого стоит подозревать. Кроме того, никто не знал, что в день смерти Цзинхэ он был на кухне. Вечером за общим столом все ели простую кашу с соленьями, но еда, оставленная для Цзинхэ, состояла из половины порции овощей и лапши. И ещё, после смерти Цзинхэ Ту-эр сразу же сказала, что он отравился ядовитыми грибами. Ха-ха-ха... Неужели эти двое считают, что все вокруг слепые и глупые?

В холодной ночи стояли два траурных шатра. Мужчина стоял на коленях перед одним из них, глядя на гроб в другом, и сквозь зубы напевал песню, которую никто не мог понять.

*

Мама, не волнуйся,

Посмотри на твоего мальчишку, слёзы текут ручьём...

Хм... Мм...

*

На следующий день поднялся сильный ветер. Люди заметили, что большое дерево у входа в переулок, ещё несколько дней назад зелёное, теперь было полностью покрыто жёлтыми листьями. Ветер подхватывал их, и всё вокруг выглядело печально.

В этом переулке, рядом с деревом, был дом семьи Ань. Все вокруг знали, что в последнее время с ними случилось что-то неладное, и они потеряли двух человек — старшего и младшего. В маленьком дворе не было места для двух траурных шатров, и монах, читавший молитвы, заканчивал один и переходил к другому. Эх... Вы бы видели, каким энергичным был господин Ань раньше, а теперь, всего за несколько дней, он стал совершенно другим.

Ань Шаохуа, о котором говорили, сидел, склонившись у гроба матери, с горящими глазами, стиснутыми зубами и лихорадкой, которая довела его до красноты в глазах и боли в горле, но в душе была лишь ледяная пустота. Какой это был день? Он не помнил. С тех пор как Цзинхэ ушёл, кроме двух обмороков, Ань Шаохуа не мог плакать и не мог спать.

Его ум был ясен, но в то же время полон хаоса.

— Отец, выпейте воды.

Ань Шаохуа обернулся, и на мгновение ему показалось, что он видит Цзинхэ, лет одиннадцати-двенадцати, но образ был нечётким. Он пристально смотрел на Цзинхэ, но тот бросился в объятия белой фигуры:

— Мама! Мама! Посмотри, что с отцом?

Это был Цзиньчунь. Эти слова «мама» ударили по сердцу Ань Шаохуа, как тяжёлый молот, и помогли ему принять решение. Человек, даже в тысячах ли от дома, не страдает так, как когда теряет мать. Мама... мама! Хуа кланяется тебе!

Ребёнок, оставшийся без матери, страдает, но если мать жестока, это может привести к беде. Семья Ань, даже если она уменьшилась в числе, не может позволить своим потомкам сбиться с пути.

Ань Шаохуа упал перед гробом матери, слыша, как другие суетятся, переносят его в дом, вызывают доктора Цинь, слыша...

Эти похороны, скорее, были для живых, чем для умерших.

Хотя по обычаям, по правилам, по старым словам, последний путь должны провожать самые близкие. Но на самом деле все приготовления были для тех, кто остался.

Некоторые вещи делались для посторонних. По могиле, по гробу можно было узнать, насколько богата семья, сколько поколений она существует. По гостям, которые пришли с подарками или лично выразили соболезнования, можно было понять, как идут дела в семье. По тому, как хозяева принимали гостей, как молодое поколение вело себя, можно было судить о семейных традициях. По плачущим и провожающим можно было понять, насколько семья уважаема среди соседей.

Для самых близких всё шло по обычаям — установка траурного шатра, проводы, сорок дней... Когда все ритуалы были завершены, прошло почти два месяца. Для многих самые тяжёлые дни прошли в суете.

Когда мать и Цзинхэ были похоронены, Ань Шаохуа заперся в своей комнате, не ел и не пил. Это было не самобичевание, просто его разум был пуст. Казалось, его душа ушла вместе с Цзинхэ в темноту подземного мира.

Гу Мо приходил, но Ань Шаохуа смотрел на него пустым взглядом, не реагируя.

Он хотел спросить Гу Мо, ненавидит ли он его. Но он боялся.

Неважно, ненавидел ли его Гу Мо, он ненавидел себя.

Позже Гу Мо ушёл, забрав с собой Цзинцю, и покинул уезд У. Позже Ань Шаохуа вспоминал это с ужасом, ведь Гу Мо знал, где в доме хранились деньги, но взял с собой лишь небольшую сумму. Сколько трудностей ему пришлось пережить в пути.

В тот момент Ань Шаохуа ни о чём не думал, просто сидел, не замечая времени, холода, жажды или голода.

Когда он снова очнулся, была глубокая ночь. Ань Шаохуа широко раскрыл глаза, и слёзы текли по его лицу.

Он встал, накинул одежду и зажёл масляную лампу.

С каменным лицом Ань Шаохуа написал жалобу и письмо о разводе.

Жалоба, конечно же, была на Руань Юэ'э за отравление законного сына.

Что касается письма о разводе, то по правилам Юэ'э не была главной женой, и её можно было просто отпустить. Но она была из хорошей семьи и родила троих сыновей и дочь, поэтому по закону её нельзя было просто выгнать. В столице Юнъянь большинство семей, если наложницы или жены совершали ошибки, просто отправляли их подальше, чтобы не видеть. Если же дело было серьёзным, их могли продать.

Те старые господа, которые говорили о морали, и госпожи, которые часто постились и молились, даже если продавали бывшую служанку самому низкому работорговцу, никогда не убивали её сами. И уж тем более не обращались в суд.

Но Ань Шаохуа считал, что это дело о жизни и смерти, и его нельзя было просто замять. Нужно было следовать закону. Письмо о разводе было не для того, чтобы сохранить лицо Юэ'э. Без него это могло бы повлиять на детей.

Стоя на коленях у гроба матери, Ань Шаохуа испытывал невероятную боль и смятение!

Он вспомнил, как в детстве любил прижиматься к коленям матери, дурачиться и слушать её песни. Няня матери была из области Цан, и в её песнях всегда чувствовался местный колорит.

«Мама, не волнуйся, посмотри, как твой мальчик плачет...»

Тогда каждое утро он слышал, как отец во дворе учил старшего брата боевым искусствам. Семья Ань была военной, хотя и не такой знаменитой, как герцог Гу, но они отвечали за охрану столицы.

В отличие от семьи Гу, которая охраняла границы, семья Ань была ближе к сердцу императора.

Но отец не учил его боевым искусствам, говоря, что Хуа ещё слишком мал, и он начнёт

учиться, когда подрастёт.

Перед сном Ань Шаохуа всегда спрашивал мать, вырастет ли он завтра. Мать улыбалась, касаясь его лба, и говорила:

— Спи! Не выдумывай. Завтра я приготовлю твои любимые сладости с корицей.

Позже его отправили во дворец в качестве компаньона. Время от времени он получал вещи из дома, но больше всего он ждал сладостей с корицей. Это был вкус матери, вкус дома.

<http://bllate.org/book/16674/1529218>